

УДК 316.48

ЮРИЙ ПРИВАЛОВ,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных экспертиз Института социологии НАН Украины

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины

Понимание “раскола” в социологической литературе

Аннотация

В статье предпринята попытка решения двух взаимосвязанных актуальных проблем: проблемы методологии исследования современных социальных конфликтов и проблемы социального раскола. При этом авторы подразумевают, что концептуализация феномена раскола и создание, хотя бы частичного, категориального аппарата теории раскола могут дать нам инструмент решения проблемы методологии исследования современных конфликтов. Более конкретно: с точки зрения авторов, в современном обществе на базе многочисленных и разнообразных социальных групп, не представляющих из себя классических классов, не имеющих партийного и идеологического единства, не обладающих качествами постоянства и устойчивости идентичности и идентификации, могут возникать не имеющие антисистемного характера “новые социальные движения”, которые представляют собой специфическую форму “нового социального конфликта” и проявляются в обществе как расколы неклассового характера.

Ключевые слова: *раскол, виды раскола, конфликт, методология, классовый анализ, конфликтный функционализм, диалектическая теория конфликта, цивилизационный подход, новые социальные движения, социальная группа, класс, социальные изменения, идентичность*

Исследуемая в статье проблема или ее отдельные аспекты давно находится в сфере исследовательских интересов западных социологов. Для

обоснования этого, вероятно, достаточно упомянуть обращавшихся к ней известных социологов, таких как С.Липсет, А.Турен, Р.Дарендорф, И.Валлерстайн. Однако в последние десятилетия эта проблематика еще больше актуализировалась, что вызвано рядом причин.

Во-первых, распад СССР и завершение глобального противостояния двух сверхдержав, а также окончание “холодной войны” привели к разрушению ранее существовавших механизмов стабилизации мировой системы. Это проявилось: а) в возникновении многочисленных локальных и региональных “постхолодных” конфликтов, особенно этнических и цивилизационных, сопровождаемых этническими “чистками”; б) в возникновении и широком распространении “нового терроризма”, а также разнообразных форм “новой войны”; в) в неспособности глобальных субъектов, включая США, предотвращать, локализовать, противостоять вышеуказанным новым глобальным рискам, а также предотвращать или ликвидировать их деструктивные последствия.

Во-вторых, как следствие первого фактора обострились и углубились, а также стали четче осознаваться многие деструктивные и негативные последствия глобализации во многих сферах жизнедеятельности общества, включая политическую, социокультурную и цивилизационную.

В-третьих, в результате указанных выше объективных причин произошла дестабилизация еще существующего старого мирового порядка национальных государств и возник его кризис, что обозначило начало перехода к новой мир-системе, сопровождаемого многочисленными и разнообразными конфликтами и расколами.

В-четвертых, на всех уровнях общества возникают новые субъекты мирового, регионального, глобального и местного характера, которые требуют перераспределения власти, суверенитета, собственности и ресурсов, а также большей степени свободы действий. Их структура, уровень сложности, многогранность и мозаичность могут быть весьма разнообразными и обладают свойством изменчивости.

Следует отметить, что указанные причины проявляются не линейно-последовательно, а в различных сочетаниях, пересекаясь, комбинируясь, синтезируясь и порождая эффект мультипликации.

Тотально и качественно изменяющийся мир ставит перед социологией много вопросов, включая фундаментальные. Президент Международной социологической ассоциации 1998–2002 годов Альберто Мартинелли в своем докладе XV Конгрессу ассоциации отметил: “Тема нашего конгресса отражает базовый вопрос социологии, который мы сегодня задаем себе: каким инструментом мы располагаем для описания, интерпретации, объяснения и предсказания социального мира XXI века?” [Мартинелли, 2002: с. 3].

При этом Мартинелли исходит из допущения, что “социальный мир в начале XXI века все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным. Он одновременно и глобальная система, и расколотый мир с беспрецедентными возможностями большей справедливости и благосостояния для всех и беспрецедентными угрозами ядерной войны и экологической катастрофы” [Мартинелли, 2002: с. 3].

Как сам поднятый Мартинелли вопрос, так и его предпосылки, требуют, с его точки зрения, “фундаментального пересмотра основных концепций социологической традиции”. Он указывает, что возник “спрос на новые концепции, новые теории и новые нарративы”.

Исходя из логики и содержания доклада Мартинелли, можно сделать ряд выводов относительно затронутой в статье проблемы. Во-первых, необходимо изменение или пересмотр методологии исследования, в частности методологии социального конфликта, ее средств, методов, парадигм. Это проявляется и посредством создания новых концепций и теорий социального конфликта, а более конкретно — путем пересмотра категориального аппарата или создания нового. В последующем авторы статьи данное суждение будут обозначать как задачу, или проблему 1.

Во-вторых, Мартинелли поднимает и актуализирует проблему раскола современного мира. Например, он пишет: “Социальный мир в XXI веке — это и единая система, и расколотый мир. Глобализация отмечена напряжением между глобальной экономической и технической взаимозависимостью и социальной взаимосвязанностью, с одной стороны, и культурной фрагментацией и политическим расколом — с другой” [Мартинелли, 2002: с. 5]. Иначе можно сказать — необходимо решать проблему раскола как некоего социального феномена, а конкретнее ответить на ряд вопросов: что такое раскол, какова возможная его типизация и классификация, что может быть объектом раскола и каковы его субъекты, каков возможный механизм и этапы его протекания и т. п. Авторы статьи в последующем данное суждение будут обозначать как задачу, или проблему 2.

Позже, в 2009 году, актуализируя проблему раскола и объясняя свою более раннюю позицию, Мартинелли напишет, что “глобальные” классы мирового общества “слишком разнородны и расколоты”, “они расколоты, фрагментированы по национальным и культурным линиям и не действуют как единый политический актор” [Мартинелли, 2009: с. 8].

Глобализация, в свою очередь, обостряя проблему раскола, оказывается пока неспособной привести к возникновению единого мирового общества в любых его формах, например, национального государства мирового уровня, мирового транснационального гражданского общества, институций полиархического глобального управления в демократическом мировом обществе и т.д. [Мартинелли, 2009: с. 5–15].

Обобщая изложенное выше, можно коротко сказать: проблемы 1 и 2 в настоящий момент весьма актуальны в социологии.

Проблема 1 в несколько специфической, но публичной и “мягкой” форме проявилась, например, в дискуссии на страницах журнала “Социологические исследования” между авторами работ по конфликтологии профессором кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета А.Глуховой и членом-корреспондентом РАН А.Дмитриевым. В частности, А.Глухова в ряде своих рецензий на работы А.Дмитриева утверждает, что в рамках конфликтологии существует две основные парадигмы: структурализм (диалектическая теория конфликта) и конфликтный (“позитивный”) функционализм. Последний она определяет и как позитивный (“конфликтный”) функционализм. Более того, оба эти направления она иногда определяет не как отдельные парадигмы, а лишь как структурную и функциональные ветви одной конфликтологической парадигмы. Иначе можно сказать, что Глухова, если не отрицает полностью роль классовой, или марксистской парадигмы для исследования конфликтов, то как минимум ставит ее под сомнение, особенно в варианте, изложенном А.Дмитриевым в книге “Конфликтология: Учебное пособие для студентов вузов” (2000).

Она также указывает, что существует целая группа известных социологов, которые “создавали свои концепции во взаимодействии с Марксом и в противовес его выводам. Не класс, а элита (“аристократия”) является, по их мнению, главным субъектом политического конфликта, и вся предшествующая история была, с их точки зрения, историей борьбы аристократий” [Глухова, 2001: с. 147].

В свою очередь, А.Дмитриев, вероятно, отвечая на критику Глуховой, но в целом рецензируя ее книгу “Политические конфликты: основания, технология, динамика” (2000), пишет: “...все же хотелось бы прочесть о том, как соотносится предложенный автором тип статусно-ролевых конфликтов с классовыми конфликтами в их марксистской трактовке, а также каковы перспективы возникновения классовых конфликтов в будущем” [Дмитриев, 2001: с. 146].

Подводя итог, можно кратко и схематично отметить, что дискуссия идет о том, какую методологию преимущественно использовать при исследовании современных конфликтов: классовый анализ в любых его формах, включая марксистский, конфликтный функционализм или диалектическую теорию конфликта (структурализм)? Этот вопрос можно еще больше упростить до краткой формулы: Маркс — Зиммель (Козер) — Дарендорф?

Однако данный вопрос значительно сложнее, что, собственно, признают и сами участники дискуссии. Например, профессор В.Серебрянников в своей книге “Социология войны” еще в 1998 году утверждал: ряд исследователей считает, “что типологию современных войн якобы лучше строить с позиций не формационного, а цивилизационного подхода” [Серебрянников, 1998: с. 20]. С точки же зрения самого Серебрянникова, “цивилизационный подход, дополняя формационный, не может быть ведущим” [Серебрянников, 1998: с. 20]; он “не дает возможности понять смысл и содержание” последних современных войн в Персидском заливе, на Балканах и в постсоветском пространстве: “Везде мы обнаружим недостаточность, поверхностность, неопределенность цивилизационного подхода” [Серебрянников, 1998: с. 21].

В 2005 году А.Глухова в статье “Политическая конфликтология перед вызовами глобализации” обобщила свои взгляды на проблему методологии исследования социальных конфликтов (проблему 1).

Во-первых, она предложила свое понимание целей и задач методологии исследования конфликтов: “Смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы — вне зависимости от артикуляции в них собственно политической проблематики — пытались дать ответ на два вопроса: как обеспечить *целостное существование общества* (курсив наш. — Ю.П., В.К.) и как соотносятся общественный порядок и его изменение” [Глухова, 2005: с. 100].

Во-вторых, Глухова предложила свой вариант истории развития методологии исследования социального конфликта, в которой выделяет три этапа. Первый этап, с середины XIX века, “воплощал господство как марксистских, так и немарксистских теорий. В противоположность идее К.Маркса о том, что классовый конфликт является основой объяснения истории, утверждалось, что социальный конфликт неотделим от всей культурной жизни (М.Вебер), имеет психологическую природу и обладает как позитивными, так и негатив-

ными функциями (Г.Зиммель), выступает движущим фактором социокультурной динамики (П.Сорокин)". Второй этап — с середины XX века — в целом характеризуется "преобладанием структурно-функциональной методологии". В ее рамках конфликт рассматривался как патология, а цели исследования были ориентированы на достижение равновесия общества и его интеграцию. Такая позиция встретила "резкую критику функционалистов, рассматривающих конфликт в качестве "укрощенного" фактора поступательного развития общества (Л.Козер), а также структуралистов, трактовавших его как неотъемлемый элемент социального действия (Д.Дарендорф)" [Глухова, 2005: с. 101]. Третий этап — с конца XX века. Хотя А.Глухова и пишет, что "новые политические реалии нашли свое отражение в различных теоретических подходах" [Глухова, 2005: с. 101], этот вывод ею недостаточно обоснован. Она лишь перечисляет ряд концепций и идей, возникших на рубеже веков, среди которых и "претендовавшая на статус научной парадигмы" концепция Ф.Фукуямы, фактически сводящаяся к "иллюзии гармонии".

Вместе с тем Глухова указывает на возросшую роль цивилизационного подхода: "Становится популярной концепция С.Хантингтона, акцентирующая роль цивилизационной солидарности людей в борьбе за ограниченные ресурсы, будь то территория, сырье или властные полномочия" [Глухова, 2005: с. 104].

Кроме подчеркивания возрастания роли цивилизационного подхода в исследовании конфликтов, Глухова считает, что ряд идей таких известных социологов, как П.Штомпка, У.Огборн, Р.Дарендорф, в своей "совокупности породили новую парадигму социального и политического изменения — *парадигму травмы*, которая постепенно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук" [Глухова, 2005: с. 104]. По мнению российского конфликтолога: "Смысл ее в том, что радикальное социальное или политическое изменение, затронувшее ткань культуры, то есть саму основу способности субъектов к социальному созиданию, порождает продолжительные, болезненные и дисфункциональные для общества последствия: раздвоение, *раскол* (курсив наш. — Ю.П., В.К.), противоречивость, конфликт внутри культуры" [Глухова, 2005: с. 104]. Разрушающийся старый мир культуры, традиций, символов и в целом мировоззрения порождает фундаментализм в любых его формах — национальных, религиозных, политических, что является весьма благоприятной почвой для появления терроризма: "Столкновение фундаментализма с космополитизмом станет, по-видимому, главным сражением XXI века" [Глухова, 2005: с. 104].

В результате своего анализа Глухова приходит к ряду весьма важных выводов-вопросов, которые, собственно, конкретизируют приведенные выше положения Мартинелли, обозначенные авторами как проблема 1. В частности, она утверждает, что "вопрос о том, как примирить конфликтологическую теорию с современными реалиями, пока остается без ответа". Второй вывод Глуховой — следствие из первого: с ее точки зрения, конфликтология "оказывается перед нелегким выбором новой исследовательской парадигмы, теоретико-методологического инструментария, предметного поля, понятийного аппарата и т.д." [Глухова, 2005: с. 102]. То есть Глухова опять указывает на проблему 1 (в терминах авторов этой статьи).

Раскрывая содержание данных проблем, Глухова утверждает, что ранее используемая методология, то есть диалектическая теория конфликта, кон-

фликтный функционализм, классовый анализ и иные теории, представляли рациональную конфликтологию, но в настоящее время ситуация изменилась. В частности, она пишет: “Классические конфликтологические теории четко фиксировали предмет и объект конфликта, его причины и источники, субъектов и их поведенческие стратегии. Теоретические выводы, основанные на базисе рациональной конфликтологии, имплицитно подразумевали возможность урегулирования или разрешения конфликтов, а следовательно, выполнения ими целого ряда конструктивных функций... В настоящее время изменяются все параметры классического анализа политических конфликтов” [Глухова, 2005: с. 102]. В целом она считает: “Сегодня еще далеко до четких и убедительных концепций, проверенных технологий и методик урегулирования новых конфликтных противоборств” [Глухова, 2005: с. 106].

Вместе с тем возникает вопрос: если среди изложенных Глуховой концепций она, ссылаясь на суждение весьма авторитетных социологов, особое внимание уделила парадигме травмы, то какова роль этой парадигмы в рамках исследования конфликтов?

В этом плане представляется интересной точка зрения научного сотрудника Института социологии НАН Украины Александра Шульги. Ссылаясь на книгу Дж.Александера “Культурная травма и коллективная идентичность” (2004), он считает, что результатом утраты доминирующем универсумом своей культурной гегемонии и своего центрального статуса является коллективная культурная травма. Она “является резким нарушением привычного порядка. В случае с коллективной травмой это нарушение ощущения безопасности у людей, принадлежащих к этой общности, но — что более важно — это резкое нарушение чувства сопричастности, принадлежности, связи в рамках данного коллектива. Все это приводит к тому, что индивиды безжалостно вырываются из их рутинных, а оттого понятых и прогнозируемых отношений” [Шульга, 2014: с. 123]. Общество разделяется на носителей универсума, потерявшего культурную гегемонию, и носителей альтернативного универсума, которые воспринимают произошедшие изменения, не как травмирующие, а как позитивные. “Отсюда и раскол по целому ряду вопросов в переживающих такого рода процессы обществах” [Шульга, 2014: с. 123], — делает вывод А.Шульга. При этом он указывает, что “общества, переживающие смену символических универсумов, оказываются на длительный период расколотыми по ряду важнейших вопросов как настоящего, так прошлого и будущего” [Шульга, 2014: с. 124].

Одним из первых на Западе к проблеме раскола (проблеме 2), можно сказать, обратился американский социолог Сеймур Мартин Липсет. Уже в 1968 году в своей статье “Политическая социология” он писал: “...исследователи выборов интересовались прежде всего соотношением между политическими партиями и такими типами раскола, как классовые, профессиональные, религиозные, этнические и региональные различия, рассматривая их преимущественно в качестве факторов, порождающих политические распри, а не факторов политического согласия” [Липсет, 1972: с. 214]. Из этого высказывания следует, что Липсет понимает раскол как некое состояние, а не действие, состояние, которое порождает, является источником неких распрей (конфликтов). Из этого же суждения, а также из логики и последующего текста следует, что Липсет как близкие или тождественные термину “раскол” использует и иные — “различие”, “размежевание”, “разде-

ление” и т.д. Из приведенного суждения также следует, что существует классовый раскол, как и иные типы раскола.

Весьма важным в понимании раскола Липсетом в этот период (1968 год) является его разделение (классификация) расколов на два вида. Первый — это раскол между относительно постоянными, стабильными, устойчивыми стратами общества, между высшими и низшими по социальному положению, уровню дохода, степени власти и т.д. Прототипом такого раскола, как считает Липсет, является “классовая партия”. Этот вид раскола, с точки зрения авторов статьи, можно условно определить как раскол классовый, идеологический или партийный.

Раскол второго вида — это раскол “между отдельными группами, имеющими весьма несходные представления об идеальном обществе” [Липсет, 1972: с. 214]. Прототипом такого раскола является, с точки зрения Липсета, — “партия религиозная”. Указанные группы не являются классом, они не являются даже в строгом смысле социальной группой общества, не обладают качествами устойчивости и постоянности. Члены данных групп не имеют общей партийности и единства идеологических взглядов, они весьма различны между собой.

Следует отметить, что в упомянутой статье Липсет пытается выявить некие связи и соотношения между видами раскола, порождаемыми ими конфликтами (культурными, глубоко ценностными, классовыми, партийными), уровнем экономического развития государства и его политической стабильностью. Так, он считает, что “культурные или глубокие ценностные конфликты гораздо более характерны для развивающихся стран с неустойчивым государственным строем” [Липсет, 1972: с. 214]. Для этого же типа государств наиболее характерны классовые и партийные конфликты. Можно сказать несколько иначе: присутствие классового раскола, а также классового конфликта, по Липсету, во многом зависит от социальной структуры и политической устойчивости государства.

Изложенные идеи Липсета не только касаются понимания раскола, но и посредством этого понимания раскола второго вида в той или иной мере дают понимание новых социальных движений как новых социальных конфликтов, а также формирования “новых социальных групп”. Иначе говоря, раскол второго вида возникает на базе и при условии формирования в обществе “новых социальных групп” и представляет собой вариант или форму нового социального конфликта, особенно в связи с новыми социальными движениями. Кроме того, такого рода “новая категория” и новый инструментарий в сфере исследования конфликтов могут способствовать решению проблемы 1.

В социологической литературе много внимания уделялось и уделяется как “старым”, так и “новым” социальным движениям и их связи как со “старыми”, так и с “новыми” социальными конфликтами.

Например, известный французский социолог, Ален Турен в свое время (1984) утверждал, что социальный конфликт материализуется в социальных движениях. Однако его трактовка последних представляется несколько неоднозначной. Так, он пишет, что “общественное движение — это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями

социального господства” [Турен, 1998: с. 87]. При этом, с одной стороны, Турен подчеркивает, что общественное движение есть *действие* субъекта, “культурно ориентированное и социально конфликтное действие некоего общественного класса, который определяется позицией господства или зависимости в процессе присвоения историчности, то есть тех культурных моделей инвестиции, знания и морали, по отношению к которым он сам ориентирован” [Турен, 1998: с. 89]. Но, с другой стороны, Турен сводит общественное движение к его *субъектам*, “действующим лицам, противопоставленным друг другу отношениями господства и конфликта”, имеющим “одинаковые культурные ориентации” и борющимся за “общественное управление... культурой и диктуемыми ею формами деятельности” [Турен, 1998: с. 20]. При этом он отмечает, что понятие “общественное движение” — новое по отношению ко всему тому, что мы могли бы назвать общественными силами, “будь то в рамках эволюции (силы прогресса или сопротивления прогрессу) или функционирования данной системы” [Турен, 1998: с. 41]. И наконец, Турен утверждает, что между понятиями общественного движения и *класса* существует довольно большая близость. Но, отмечая, что в рамках его теории “предпочтительнее говорить об общественных движениях, а не об общественных классах” [Турен, 1998: с. 9], сам он довольно часто вместо понятия “общественные движения” использует категорию “классы”.

Местом или предметом нового социального конфликта и новых социальных движений становится не организация труда, а производство потребностей. В этом их принципиальное отличие от старых социальных движений, в первую очередь от рабочего в любых его формах. Рабочее движение не было полностью общественным, оно во многих странах было подчинено политическому действию, связанному с идеей революции, то есть насильственного завоевания государственной власти. Поэтому, говоря о новых общественных движениях, нельзя сравнивать их с рабочим движением.

Сегодня “общественные движения могут развиваться независимо от политических действий и характеризуются прежде всего тем, что являются чисто социальными” [Турен, 1998: с. 164]. В этом их специфика и новизна, поэтому необходим их союз с движениями культурными. Акцентирование ими политических проблем представляет собой проявление их слабости, в то время как в политизации рабочего движения заключалась его сила.

Новые общественные движения отличаются от старых не только по своему характеру (движущим силам), но и по своим форме и задачам. Они воплощаются в группе лиц, формирующих общественное мнение. Новое общественное движение, в отличие от рабочего движения, может быть несконцентрированным (тогда как сила рабочего движения состоит в концентрации), а рассеянным, и в этом может быть его сила.

Рабочее движение, как и многие другие старые движения, действовало во имя будущего, а “сегодняшние общественные движения — во имя реализации “уже сегодня” имеющегося у них образа социальной жизни”.

Старые общественные движения традиционно рассматривались только как подготовительный этап революции. Они воспринимались “в качестве исторических агентов прогресса, разума и науки, и революции, взятой как уничтожение иррациональности традиций и привилегий и учреждение общества, управляемого по своей природе законами функционирования и эволюции” [Турен, 1998: с. 196]. Новые же социальные движения направле-

ны не на осуществление революции, а на достижение демократии, ограничение всевластия государства в рамках данного общества, на его преобразование посредством контроля, управления и создания новых культурных моделей. У новых движений “протест находится на более глубоком уровне культурных ценностей” [Турен, 1998: с. 187]. Собственно говоря, новые общественные движения более прямо, чем предыдущие, ставят под вопрос ценности культуры и общества и основываются не только на социальных, но и на интеллектуальных и этических убеждениях.

В результате новые социальные движения оказываются все более автономными по отношению к политике и политическим требованиям, но вместе с тем занимают центральное место в качестве фундаментального условия демократической политической жизни.

Следует также отметить, что старые движения, особенно рабочее, были, по сути, инструментальными, то есть использовались в качестве инструмента той или иной политической силой для достижения своих целей и решения политических задач. Новые же движения являются, прежде всего, экспрессивными, служа примером поведения и действия для других политических и социальных сил, пытаясь создать такие отношения между субъектами, в которых бы ни один из них не диктовал другому смысл и формы поведения.

Представляется важным отметить, что, с точки зрения Турена, в рамках идей о новых социальных движениях происходит актуализация и возникает необходимость решения проблемы самоуправления. В частности он пишет, что уже в настоящее время, “так как идея самоуправления заменила собой идею организации, естественно, что тема самоуправления заменяет тему социализма, то есть рабочего контроля организации труда” [Турен, 1998: с. 156]. Отсюда решение многих актуальных проблем, особенно тех, что затрагивают конкретных людей с их конкретными интересами, необходимо сместить с общенационального на региональный и местный уровень.

В новом обществе сферу (объект, объекты) социального конфликта нельзя четко определить, тогда как ранее это были земля, права и свободы гражданина, справедливое вознаграждение трудящихся и т.п. Кроме того, размываются и границы сторон конфликта. Одним из его субъектов является власть как таковая, в некоторых формах присутствующая также в гражданском обществе и новых социальных движениях.

Большое внимание социальным движениям в своем творчестве уделял и И.Валлерстайн. В своих научных работах он разделял их на две группы. Первая группа — движения революционные, антисистемные или одновременно антисистемные и революционные движения [Валлерстайн, 2008: с. 24, 25]. Еще в 1975 году он говорил об их подъеме, но позже изменил свою позицию. С его точки зрения, эти движения возникали в период 1789–1989 годов; их история знала как гигантские тактические успехи, так и гигантские стратегические поражения. “Вопрос заключается в том, возникнет ли в скором времени новая когорта антисистемных движений, которая разработает новую стратегию, достаточно сильную и гибкую для оказания решающего воздействия на развитие в период 2000–2025 годов” [Валлерстайн, 2003: с. 48]. Эти движения формировались на базе так называемых опасных классов и имели три разновидности: социал-демократию на Западе, коммунистическое движение на Востоке и движения национального освобождения на Юге.

Вторая группа социальных движений — “новые общественные движения”, иногда их Валлерстайн называет “альтернативными”. Они стали возникать в основном в Европе, после 1968 года, события которого Валлерстайн определяет как “всемирную революцию”, “мировую революцию” и т.д. Проблемами новых движений стали культурный национализм “меньшинств”, феминизм, экология и т.д. Характеризуя их, Валлерстайн пишет: “...это вечно эволюционирующий набор партий и движений, которые в выхолощенном виде представляют собой наследников революции 1968 года: партии “зеленых”, феминистические движения, движения угнетенных этнических и расовых так называемых меньшинств, движения геев и лесбиянок, а также то, что можно назвать низовыми коммунитарными движениями (base community movements)” [Валлерстайн, 2003: с. 201].

Следует отметить, что иногда новые социальные движения Валлерстайн определяет и как “новые антисистемные движения”, тем самым придавая такому их пониманию смысл близкий во многом к пониманию Липсетом движений типа “религиозных партий”, которые представляют раскол второго вида.

Однако если для Липсета термин “раскол” уже имел строго научный характер и являлся научной категорией, то для Валлерстайна этот термин не был категорией, а представлял собой скорее образ, научную метафору. Вместо термина “раскол” Валлерстайн использовал другие. Например, он пишет: “Политическая структура с абсолютной свободой для верхней половины может стать для нижней половины наиболее эффективной формой угнетения, какую только можно вообразить” [Валлерстайн, 1995б: с. 72]. А затем добавляет: “Сама возможность индивидуальной вертикальной мобильности, которую Америка ввела и закрепила и которую заимствовал в последствии весь мир, является одним из наиболее эффективных механизмов поддержания полусвободного и полурабского общества. Вертикальная мобильность оправдывает существование *социальной поляризации* (курсив наш. — Ю.П., В.К.). Она снижает напряжение путем ликвидации потенциальных лидеров протеста низов, одновременно предоставляя мираж потенциального продвижения вперед тем, кто остался позади” [Валлерстайн, 1995б: с. 72]. Из этих высказываний видно, что Валлерстайн использует при фиксации ситуации объективного раскола общества не термин “раскол”, а термин “социальная поляризация”.

Интерпретируя идеи основоположников марксизма, Валлерстайн в этом конкретном случае, но не всегда, предпочитает использовать термин “поляризация”, а не “раскол”. Так, он пишет: “Маркс придает немалое значение феномену поляризации, понимаемому в двояком смысле. С одной стороны, Маркс настаивает на тенденции к экономической поляризации, обнищанию, под которым он имеет в виду, что бедные становятся беднее, а богатые — богаче. С другой стороны, он также стремится анализировать социальную поляризацию, под которой он имеет в виду, что каждый становится или буржуа, или пролетарием, а все промежуточные и труднокатегоризуемые группы исчезают” [Валлерстайн, 2003: с. 212].

Из приведенных высказываний можно сделать ряд выводов. Во-первых, Валлерстайн использует термины “поляризация”, “разъединение”, “размежевание”, “раскол” как близкие или тождественные. Во-вторых, критикуя в приведенном выше смысле марксизм, Валлерстайн указывает на его недос-

таточность в рамках исследования современных социальных конфликтов и этим актуализирует рассматриваемые авторами проблемы. Более конкретно он пишет: “Представления о том, что внутри капитализма единственным фундаментальным конфликтом является конфликт между трудом и капиталом и что все прочие конфликты, в основе которых лежат различия по полу, расе, этничности, сексуальной ориентации и т.п., все вторичны, производны или атавистичны и более не разделяются большинством” [Валлерстайн, 2003: с. 200].

Впрочем, подобные ситуации, когда вместо термина “раскол” используются иные, близкие или тождественные, пока довольно часто встречаются в научной литературе. И это актуализирует проблему 2, а именно проблему понимания феномена раскола и вопрос о том, что такое раскол.

Источники

Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра / И. Валлерстайн // Свободная мысль. — 1995а. — № 2. — С. 66–75.

Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра / И. Валлерстайн; пер. с англ. Ю. Белау; под ред. Г. Дерлугьяна, В. Бушуева // Свободная мысль. — 1995б. — № 4. — С. 67–77.

Валлерстайн И. После либерализма / Иммануэль Валлерстайн; пер. с англ.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.

Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее / Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. Андрея Малюка // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 21–25.

Глухова А.В. Конфликт: сдача Бреды или конструктивное разрешение? / А.В. Глухова // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 144–149.

Глухова А.В. Еще раз про конфликт / А.В. Глухова // Социологические исследования. — 2003. — № 8. — С. 149–152.

Глухова А.В. Политическая конфликтология перед вызовами глобализации / А.В. Глухова // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 100–106.

Дмитриев А.В. А.В. Глухова. Политические конфликты: основания, технология, динамика. / А.В. Дмитриев // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 145–146.

Липсет С.М. Политическая социология / Сеймур Мартин Липсет // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина, Е.В. Зиньковского. — М.: Прогресс, 1972. — С. 203–219.

Липсет С. Третьего пути не существует (Перспективы левых движений) / С. Липсет // Политические исследования. — 1991. — № 6. — С. 19–39.

Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление: Доклад XV конгрессу; ч. 1 / А. Мартинелли; пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. — 2002. — № 12. — С. 3–14.

Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление: Доклад XV конгрессу; ч. 2 / А. Мартинелли; пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 16–28.

Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? / А. Мартинелли; пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. — 2009. — № 1. — С. 5–15.

Серебрянников В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. — М.: Ось-89, 1998. — 320 с.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Ален Турен; пер. с франц. Е.А. Самарской. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.

Шульга А. Структура и борьба символических универсумов / Александр Шульга // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2014. — № 3. — С. 116–130.